

Лилия Гардж

Песнь пепла и звёзд

18+

Лилия Гардж
Песнь пепла и звёзд

«Автор»

2026

Гардж Л.

Песнь пепла и звёзд / Л. Гардж — «Автор», 2026

«Она сгорела на костре за любовь, которой не было. Он предложил ей стать ножом в спине мироздания. Адалия — некромантка с голосом, разрывающим реальность, — преданная, растоптанная, подписавшая контракт с самим богом смерти. Сто лет службы в обмен на мечь. Сто лет собирать души, стирая свою человечность. Но Эребус, холодный и ироничный повелитель теней, скрывает главный пункт договора: чем сильнее она становится, тем ближе её падение в бездну, где грань между палачом и жертвой стирается. Теперь Адалия — Жнец Смерти с косой. Что дороже: пепел мести или звёзды искупления? И как любить бога, который создал тебя лишь как напоминание о собственной боли? Тёмное фэнтези, где магия звучит как погребальный вальс, любовь пахнет пеплом, а каждый выбор — это битва между вечной тьмой и искрой в пустоте.

© Гардж Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: «Песнь пепла и звёзд»	5
Глава первая: «Уроки паучьей милости»	7
Глава вторая: «Колыбельная для драконихи»	8
Глава третья: «Шёпот сломанных крыльев»	10
Глава четвёртая: «Плеть паутины и крик»	12
Глава пятая: «Бог, который забыл своё имя»	14
Глава шестая: «Место, где не звучат имена»	16
Глава седьмая: «Лабиринт воспоминаний»	18
Глава восьмая: «Темница для призраков»	21
Глава девятая: «Где пепел становится исповедью»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Песнь пепла и звёзд

Пролог: «Песнь пепла и звёзд»

Дым впивался в лёгкие осколками стекла. Адалия смеялась. Смеялась, чувствуя, как огонь лижет её обугленные ноги, как веревки впиваются в запястья, лишённые кожи. Сквозь пламя она видела *его* – короля Альтаира, прижимающего к груди *её* сестру. Ту самую, чьи пальцы ещё вчера перебирали яды в лаборатории отца.

– Преступница! – голос жреца резал уши, но боль уже не имела смысла. – Некромантка! Дщерь тьмы!

Толпа ревела, швыряя камни. Один угодил в висок, заставив мир поплыть. Адалия поймала взгляд сестры – холодный, довольный. «Спасибо», – прошептали те губы беззвучно.

Её руки, вернее то, что от них осталось, дёрнулись в судороге. Антимагические оковы раскалились докрасна, прожигая кости. Но боль была сладкой. Она *помнила*.

Восемь лет. Восемь лет она была его тенью, мечом и щитом. Как смешно он умолял в ту ночь, когда она задушила первого принца: «Ради меня, Адалия. Только ты...» А потом – его пальцы, дрожащие на её шее, пока она вырезала сердце невесты брата. «Ты ведь понимаешь, это необходимо».

Огонь добрался до рёбер. Она запела.

Голос, лишённый языка, звучал как скрип ржавых врат. Заклинание некроманта, выученное когда-то в подземельях отца. «Смерть не конец, а дверь...»

– Замолчи, ведьма! – кто-то швырнул факел ей в лицо.

Мир взорвался белым.

Она умерла на третьем куплете.

Пустота обняла её, как старая нянька. Ни боли, ни гнева – только звёзды под ногами, мерцающие в чёрном бархате.

– Интересный выбор песни, – голос ударил по рёбрам, заставив согнуться. – Хотя «Дверь» – слишком банально для такого... спектакля.

Тень выросла перед ней. Плащ из ночного неба, где вместо созвездий – глаза. Тысячи глаз.

– Кто...

– Скажи спасибо отцу, – тень склонилась, и в её глубине мелькнуло лицо – её собственное, но со шрамами вместо губ.

Перед ней вспыхнул свиток. Буквы ползли по пергаменту, выжигая смысл прямо в костях:

Служба: 100 лет Жнецом Смерти. 2. Плата: Каждая душа стирает память о одном дне жизни. 3. Награда: Месть. «Точечная. Изящная. Как ты любишь».

– Почему я? – её голос звучал хором. Тысячи шёпотов, тысячи эхо.

– Потому что ты сожгла даже смерть, – тень коснулась её груди. Вместо сердца забились песочные часы. – Ты не труп. Ты... искра.

Она подписала.

Пальцем из пепла.

Первая душа ждала её у балкона, размазанная по брусчатке как варенье. Старухи тыкали в труп зонтами, хихикая:

– Говорила Маринке – выходи за мясника! Нет, ей подавай дворянина...

Адалия взмахнула косой. Лезвие, выточенное из её рёбер, завывало. Душа юноши вспорхнула, как испуганный голубь.

– Прощай, – прошептала она, глотая его страх. Он был сладким.

Где-то в Пустоте смеялся Эребус.

Песок в её груди перевернулся.
99:99:99...

Глава первая: «Уроки паучьей милости»

Пустота обняла её, как мать, забывшая о любви. Адалия стояла на звёздной реке, где под ногами мерцали сгустки забытых воспоминаний. Тень с глазами из ночных глубин протянула свиток, и буквы зажглись кровавым светом: «100 лет службы. Месть. Цена – твои дни». Она подписала. Пепельный палец оставил след, похожий на шрам.

Пункт Распределения встретил её грохотом тысячелетиями копившегося хаоса. Зал напоминал гибрид собора и паучьего логова: своды из сплетённых рёбер уходили ввысь, где в клетках из жил трепыхались души-мотыльки. За столами из чёрного нефрита существа с косами из костей, льда и спутанных волос пили из черепов жидкость цвета кошмаров. Воздух дрожал от шёпота: – Новичок... Смотрите, у неё глаза как у Эребуса... – Сколько продержится? Месяц? Неделю?

Цербер, мальчик-пёс с тремя головами-игрушками, принялся к её подолу. Центральная голова с веснушками и шрамом скривила губы: – Пахнешь пеплом и глупостью. Лира тебя сожрёт. Правая голова-кукла захихикала, крутя стеклянными глазами: «Сожрёт-сожрёт!» Левая, плюшевый медведь с вырванным глазом, рыкнула: «Молчи! Она наша теперь!»

Арахна Лира восседала за 13-м столом, её брюшко переливалось малахитовыми узорами. Восемь глаз сверкнули из-под вуали из тенёт, где застыли последние крики душ: – Опоздала на 13 секунд. Тринадцать! – её хелицеры щёлкнули, как ножницы. – Шикша! Готовь новичка. И чтобы без импровизаций!

Из складок её плаща выпал паук размером с кота. В шёлковом жилете и с топориком на поясе, он запрыгнул на стол, размахивая лапками: – Слушай сюда, пепельное чудо! Я – Шикша. Твой учитель, судья и палач! Правила: 1. Свиток читаешь ДО прыжка, а не после! 2. Не глазей на Всадников – они любят кусаться. 3. И ради всех паутинок в моей постели... – он подошёл вплотную, дыхание пахло плесенью и старой кровью, – ...не корми Цербера печеньем. Он потом рыгает параллельными мирами!

Первое задание пахло дешёвым вином и похотью. Адалия вышла из дыма телепортации на грязную улицу, где фонари мигали как подмигивающие пьяницы. Труп молодого дворфа лежал под балконом, обсыпанный лепестками герани. Шикша, сидя у неё на плече, тыкал лапой в свиток: – Видишь трещину в ауре? Душа застряла между балконом и трупом. Режь по дуге, от пятки до макушки!

Коса – продолжение её руки, костяной серп с зубуринами – дрогнула. Воздух завизжал, разрезаемый лезвием. Душа вырвалась, как испуганный голубь, и Адалия поймала её в свиток. Бумага зашипела, впитав воспоминания: *пьяный смех, запах чужой постели, крик «Держи вора!» ...

– Неплохо, – Шикша похлопал лапками. – Но ты забыла обряд очистки! Теперь эта душа будет вонять страхом весь путь.

На обратной дороге Цербер встретил их рычанием. Его центральная голова жевала свешивающуюся кость, бросая на Адалию взгляд полный презрения: – Принесла вонючку. Лира тебя выпотрошит.

В каморке размером с гроб её ждал «подарок» – чёрная роза в бутылке с зелёным дымом. Записка, написанная на обрывке кожи, гласила: «Дорогая коллега, Слышал, ты любишь чужие секреты. Приходи в Столовую. Принеси свою боль. Спой для меня. – Голод»

Песок в её груди показывал 99:99:99. В зеркале, заляпанном отпечатками чужих пальцев, мелькнула тень в плаще из спящих галактик. Эребус наблюдал. И улыбался.

Глава вторая: «Колыбельная для драконихи»

Пункт Распределения дрожал от гула колоколов, отмеряющих время между мирами. Адалия сидела в Столовой Жнецов, где столы были вырезаны из окаменевших криков, а скамьи – из спрессованных снов. Перед ней стояла чаша с «супом забвения» – жидкостью цвета лунной дорожки, в которой плавали глаза мертвецов. Шикша, усевшись на край чаши, тыкал лапкой в зрачки: – Смотри, этот видел, как его жена сожгла завещание. А вон тот...

– Молчи, – Адалия отодвинула чашу. Её пальцы дрожали, обвитые паутиной от последнего задания. Душа ребёнка, умершего от голода, всё ещё шептала в свитке: «Мама, я не украл хлеб...».

Дверь с треском распахнулась, впуслав волну запаха грозы и крови. Война – Валра – вошла, её доспехи звенели как тысяча сломанных мечей. Рыжие волосы, заплетённые в косы-удавки, пахли дымом сожжённых городов.

– Новенькая, – она ухмыльнулась, показывая клыки, выточенные из кости дракона. – Эребус хочет тебя видеть. И совет: не смотри ему в глаза. Или смотри. Мне-то что?

Сердце Адалии – песочные часы – замерло. Песок завис в середине, словно время затаило дыхание.

Тронный зал Эребуса был вырезан из чёрного бриллианта, где в гранях пульсировали галактики. Сам Бог Смерти восседал на сиденье из спутанных судеб, его плащ мерцал туманностями. Когда Адалия вошла, тени на стенах завывали, протягивая к ней когтистые лапы.

– Нравится? – его голос звучал как шорох крыльев моли над могилой. – Это плач душ, которые ты собрала. Они... восхищены тобой.

Он поднял руку, и свиток с первой душой вырвался из её плаща. Развернувшись в воздухе, он показал сцену: юноша-дворф, падающий с балкона. Но теперь картина была иной – за его спиной маячила тень с глазами Адалиной сестры.

– Ты не спросила, *почему* он умер, – Эребус щёлкнул пальцами, и свиток вспыхнул. – Его толкнула служанка. По приказу твоей милой сестрицы.

Адалия стиснула зубы. Коса на спине заурчала, чувствуя её ярость.

– Зачем ты мне это показываешь?

– Чтобы напомнить: месть – это паутина. Ты запутаешься, если будешь рвать нити наугад.

Он встал, и плащ рассыпался на летучих мышей из тьмы. Внезапно он был рядом, его пальцы – ледяные шипы – коснулись её горла.

– Но я люблю азарт. Собирай души, копи силы. А потом... – его губы, холодные как мрамор, коснулись уха, – ...покажи мне, на что способна *настоящая* ненависть.

Задание пришло в полночь: душа драконихи-перевёртыша, умирающей в облике старухи. Шикша, обмотанный нитями из снов, бубнил: – Проще простого. Режь по горлу, забирай душу, не слушай болтовню.

Но дракониха встретила их не проклятиями, а чаем из лепестков сакуры. Её хижина пахла ладаном и воспоминаниями.

– Я знала, что придёте, – её голос трещал, как пергамент. – Спойте мне. Песню, которую пела моя мать.

Адалия сжала рукоять косы. Правила запрещали исполнять желания душ. Но дракониха протянула дрожащую руку, и в её ладони лежало перо феникса – артефакт, способный воскресить любого.

– Это плата, – прошептала она. – Одну песню. И перо ваше.

Шикша зашипел: – Обман! Она хочет задержать тебя! Режь сейчас же!

Но Адалия запела. Голос, рождённый в огне казни, дрожал, но слова колыбельной оживали:

«Спи, дитя лунных когтей, Ночь укроет твои раны...»

Дракониха улыбулась, и её тело рассыпалось в золотой песок. Вместо души в свитке осталось перо и слеза.

– Дура! – Шикша бил лапками по её голове. – Она обманула! Теперь её душа свободна!

Но Адалия смотрела на перо. В его бороздках светилась карта – путь к сестре.

Вернувшись, она нашла в камерке зеркало с треснувшим стеклом. Эребус наблюдал из щели, его голос лился как мёд с лезвия: – Сентиментальность – милый порок. Но помни: каждая твоя слабость – моё оружие.

Он исчез, оставив на столе чёрную розу. На этот раз её шипы были обмазаны ядом правды.

Адалия взяла перо. Оно жгло пальцы, обещая месть. И искупление.

Песок в её груди снова потек. 98:99:99.

Глава третья: «Шёпот сломанных крыльев»

Пункт Распределения дышал. Стены, сотканые из спрессованных теней, расширились и сужались в такт чьим-то забытым снам. Адалия шла за Шикшей, её сапоги вязли в полу, который то превращался в болото, то в зеркальную гладь. На потолке, словно исполинский паук, висела Карта Миров – паутина из светящихся нитей, каждая вела к умирающей душе.

– Твоё третье задание, – Шикша цокал лапками по мрамору, превращавшемуся в пепел под его шагами. – Душа ангела-отступника. Убит своими за то, что пожалел смертных.

Он швырнул ей свиток. Пергамент, обёрнутый в кожу с татуировками, развернулся сам, выжигая в воздухе координаты: Хрустальный Город, площадь Падших Звёзд, закат чёрного солнца.

– Ангелы... – Адалия коснулась шрама на шее, оставленного огнём казни. – Они что, тоже горят?

Паук захихикал, его брюшко дрожало, как желе: – Горят. Но кричат мелодичнее людей.

Хрустальный Город встретил их молчанием, которое резало уши. Башни из прозрачного кварца вздымались к небу, отражая миллионы лиц – всех, кто когда-либо плакал в этом мире. Улицы, вымощенные застывшими слезами богов, звенели под ногами, как хрустальные колокольчики.

Ангел лежал в центре площади. Его крылья, некогда белоснежные, теперь напоминали опалённые пергаменты. Каждое перо было вырвано, оставив кровавые проплешины. В руках он сжимал медальон, внутри которого мерцал портрет девушки с глазами, как у Адалии.

– Режь по позвоночнику! – Шикша прыгал по осколкам крыльев, кроша их под лапками. – Душа в основании крыльев! Быстрее, пока чёрное солнце не взошло!

Адалия подняла косу. Лезвие, выгнутое как серп луны, дрогнуло.

– Они убили её... – голос ангела прорвался сквозь хрустальный вой ветра. – Мою смертную...

Она замерла. В медальоне девушка смеялась, держа букет полевых цветов. Точь-в-точь как сестра в детстве, до предательства.

– Почему ты не спас её? – выдохнула Адалия, опуская косу.

Ангел поднял голову. Его глаза, лишённые сияния, были похожи на разбитые лампы: – Я пытался. Но страх... он съел мои крылья раньше, чем пламя добралось до неё.

Шикша взвыл, вцепившись ей в волосы: – Не слушай! Режь!

Но Адалия уже пела. Голос, рождённый в огне, вырвался наружу, обволакивая ангела:

«Спи, дитя разбитых небес, пусть ветер унесёт твои слёзы...»

Крылья ангела рассыпались в золотую пыль. Вместо души в свитке остался медальон и слеза, застывшая алмазом.

– Дура! – Шикша бил её лапками по лицу. – Ты нарушила Протокол! Теперь его душа свободна!

– А его боль – нет, – она сжала алмаз, чувствуя, как он впивается в ладонь. – Он заплатил.

Вернувшись, Адалия нашла в камерке зеркало с трещиной. В отражении стоял Эребус, его плащ мерцал, как ночь перед грозой.

– Сентиментальность – опасная роскошь, —его голос лился, как дым из щели под дверь. – Но именно за это я тебя и выбрал.

Он исчез, оставив на столе чёрную розу. Её шипы были обмазаны ядом, пахнущим её собственным страхом.

Ночью, её разбудил стук. За дверью стоял Цербер, его плюшевая голова с выпавшим глазом рычала: – Лира хочет тебя видеть. Говорит, ты должна... – он икнул, и из пасти вырвалось облако звёздной пыли. – ...вернуть долг.

В Зале Контрактов паучиха плела паутину из светящихся нитей. В центре сети висел свиток с именем Адалии.

– Ты взяла больше, чем должна, – Лира щёлкнула хелицерами, и паутина задрожала, показывая души, спасённые ангелом. – Каждую из них ты должна собрать заново.

Адалия сжала косу: – Или?

– Или Эребус сотрёт тебя. А я... – паучиха улыбнулась, показывая ядовитые клыки. – **Получу твои глаза. Они красивые.

На рассвете, Адалия вышла на задание. Первая душа ждала в мире, где реки текли вверх, а дети рождались стариками. Девочка, лет семи по телу и семидесяти по глазам, сидела под деревом, чьи корни вились в форме черепов.

– Я готова, – она улыбнулась, обнажив дёсны без зубов. – Он сказал, ты подаришь покой.

Адалия подняла косу, но вместо удара запела. Голос, грубый от пепла, нёс колыбельную. Девочка закрыла глаза, превращаясь в светлячка, который сел на лезвие.

– Глупо, – прошипел Шикша, но его лапки дрожали. – Но... мелодично.

Песок в её груди перевернулся. 97:99:99.

Эребус наблюдал. В Чертоге Вечности он провёл рукой по зеркалу, стирая каплю её слезы. – Ты всё ещё веришь в них? – спросил Голод, жуя тень от её страха. – Нет. Но я верю в *нее*, – Эребус улыбнулся впервые за тысячу лет.

Глава четвёртая: «Плеть паутины и крик»

Пункт Распределения дышал тревогой. Воздух, пропитанный запахом горелых свитков, вибрировал от шёпота жнецов. Адалия шла за Шикшей через лабиринт коридоров, где стены из спрессованных теней шевелились, словно пытаясь схватить её за плащ. На потолке, словно гигантский зрачок, мерцала Карта Миров – теперь одна из её нитей, ведущая к Хрустальному Городу, порвалась, оставив чёрный шрам.

– Спасибо тебе, – ядовито цокал паук, перебирая лапками по её плечу. – Из-за твоей «доброты» нам придётся чинить реальность. Лира в ярости. Даже Цербер прячется.

Адалия молчала. В кармане её плаща лежал алмаз-слеза, подарок ангела. Он жёг кожу, напоминая о его последних словах: «Они боятся, когда мы чувствуем».

Зал Исправлений, напоминал гибрид лаборатории и скотобойни. На столах из чёрного мрамора лежали души, разобранные на части: одни плавилась в тиглях, другие шили обратно серебряными нитями. Лира, восседая в центре паутины из светящихся волокон, повернула к Адалии все восемь глаз.

– Ты украли душу ангела. Теперь его грехи – на тебе, – её голос звенел, как лопнувшая струна. – Чтобы искупить это, собери десять душ по моему выбору. Без права на милость.

Шикша, дрожа, протянул свиток. Пергамент был пропитан запахом гнили.

– Первая душа – мальчик, убивший родителей во сне. Время сбора: до рассвета.

Мир, где сны становятся плотью, встретил Адалию вихрем кошмаров. Дома здесь были слеплены из детских страхов: стены с глазами, двери с зубами. Мальчик, лет девяти, сидел под деревом, ветви которого стонали колыбельными. Его руки были в крови, но лицо сияло невинностью.

– Они хотели меня разбудить, – сказал он, не глядя на неё. – А я хотел спать. Теперь они молчат.

Коса задрожала. Адалия вспомнила ангела: *«Страх съедает крылья».

– Ты... не виноват, – выдохнула она, удивляясь собственным словам. – Этот мир... он искажил тебя.

Шикша впился ей в шею: – Режь! Или я сделаю это за тебя!

Но Адалия запела. Голос, грубый от пепла, обволок мальчика, как пелена. Его кошмары рассыпались в пыль, а душа, чистая и светлая, сама легла в свиток.

– Ты сошла с ума, – прошипел Шикша. – Этот ребёнок – чудовище!

– Нет. Чудовище – мир, который его создал.

Вернувшись, она нашла в камерке коробку. Внутри лежала кукла с её лицом и записка: «Ты играешь в бога. Но даже боги горят. – Л.»

Цербер, прокрадываясь мимо, бросил: – Лира плетёт тебе саван. Берегись паутины

Вторая душа была стариком, торгующим годами жизни. Его лавка, забитая песочными часами с чёрным песком, висела над пропастью.

– Купи у меня время, – он ухмыльнулся, выставив гнилые зубы. – Дам скидку. Твоя подруга... та паучиха... уже купила.

Адалия вздрогнула: Лира боится смерти?

– Сколько лет ты украд? – спросила она, поднимая косу.

– Достаточно, чтобы увидеть, как Эребус плачет над трупом ангела, – старик ткнул пальцем в её грудь. – Он тоже когда-то торговался.

Песок в её часах ёкнул. Она ударила.

Ночью Эребус явился в её сон.

– Ты собираешь души, но спасаешь их. Противоречие, – он сидел на троне из спутанных корней, его плащ истекал звёздной кровью.

– Ты создал меня противоречивой.

– Нет. Я создал тебя свободной. Это... больше.

Он исчез, оставив на подушке чёрный цветок. Его лепестки шептали: «Лири знает о Лейле».

Утром Адалия отправилась за третьей душой – девочкой, утонувшей в озере собственных слёз.

– Почему ты плачешь? – спросила она, видя, как ребёнок сидит на дне, обнимая рыб с человеческими лицами.

– Они говорят, я убила маму. Но я только хотела, чтобы она осталась.

Адалия опустилась на колени, позволив воде заполнить лёгкие. Она пела, пока слёзы девочки не превратились в жемчуг, а душа не взлетела, как пузырь.

Шикша, наблюдая, впервые молчал.

Эребус наблюдал. В его руке мерцала нить жизни Адалии. Она стала ярче. – Ты видишь? – спросил он Тьму. – Она не сломалась. – Пока что, – ответила Тьма, и в её голосе впервые прозвучал страх.

Глава пятая: «Бог, который забыл своё имя»

Он видел её через трещины.

Мир Чертога Вечности шептал о ней даже тогда, когда зеркало молчало. Даже когда я – Эребус, забывший, кем был до света, до тьмы, до Лейлы – пытался закрыть глаза. Но она всегда находила путь в щели. В паузу между ударами сердца. В шелест пергамента, что никто не решался читать вслух.

Адалия стояла на коленях в мире, где дождь падал вверх. Капли били по коже, как стёкла, но она не моргала. Её голос... он резал пространство – не просто песня, а приговор. Колыбельная, сшитая из боли и соли, знакомая до боли.

Так пела Лейла, когда убаюкивала умирающих.

Я сжал рамку зеркала, и трещины побежали по отражению, как морщины по времени. Кровь хлынула из моих ладоней, капая на пол. Чертог наполнился запахом сгоревших свитков и страха, пролитого в бокалы богов.

Ты создал её сломанной.

Но трещины – это входы.

То, Что Было До вынырнуло из-за спины. Его смех – костяной, вкрадчивый, как у закатного ветра, что знает: за ним уже идёт ночь.

– Она нарушила правила. Опять. – Значит, правила устарели.

Он хмыкнул, подбрасывая осколок зеркала, в котором отражалась лишь тень крыльев – не моих.

– Совет идёт. Лира послала зов. Ты видел свет?

Я видел. Когда её пронзил – не меч, а решение – из груди Леры вырвался луч. Он пронзил небо, вспыхнул в самом центре небесной тверди. Маяк. Ключ засиял, и Совет узнал: дверь снова дышит

Ярость ударила, как раскат грома внутри черепа. Я разорвал свиток. Пункт 47-бис: «Утилизация при утрате эффективности». Пергамент трепетал в пальцах, как кожа живого. Но Адалия – не инструмент. Она трещина. А трещины ведут наружу.

– Ты же понимаешь, – То, Что Было До шепчет. – Им не она нужна. Им нужен ключ. Ядро, которое ты вложил в её грудь.

Я знал.

Пункт распределения пылал. Металлический песок взвился в небо, отражая свет сгорающих звёзд. Раздался рёв рогов – не звуков, а воспоминаний о них.

Псы Совета спускались с неба, как сверкающие язвы. Ангины – создания, клявшиеся хранить утерянные законы. Их крылья были выкованы из света, их доспехи пели гимны в унисон с лязгом погибающих миров.

Адалия уже стояла в круге. Косой в руке, чернеющей от чар, она встретила их взгляд.

Первый упал, как метеорит, и разломал землю. Она разрубила его крыло прежде, чем он успел взмахнуть. Взрыв, рев. Песок расплавился, словно признал её за свою.

Второй ангел метнулся с неба, клинок нацелился в горло – но из теней вырвался Цербер. Его рычание несло запах старых обетов, забытых клятв, выдыхавшихся в последний раз на поле богов.

– За неё! – рыкнул Шикша, словно тьма стала плотью. Паучьи лапы сверкали, паутина пела. Шёлк с запахом горелых воспоминаний оплёл ангела и затянул его в себя, как боль затягивает рану.

Один из серафимов шагнул вперёд. Его янтарные глаза нашли на шее Адалии метку крыла – наследие Лейлы, её проклятие и благословение. Он дотронулся до груди. Ядро пульсировало под пальцами.

– Это она, – прошептал он.

Он попытался извлечь ключ – но тот не отдался.

Тогда пришло осознание: если она умрёт – дверь больше не откроется. Никогда. Не будет пути в то, что было запечатано в безвременье. В темницу, где хоронят богов.

Он застыл. Но было уже поздно. Ключ почувствовал угрозу. Защита сработала.

Кровь Адалии застыла в воздухе, жемчужные капли повисли... и упали вверх.

Безвременье.

Там, где звёзды растут, как деревья, а реки текут вспять, Адалия дрожала. Пространство скручивалось. Солнце пело колыбельную, тьма ласкалась к свету, как котёнок к огню. Земля была живой, и не существовала вовсе.

Голосов больше не было. Только шёпот Безвременья – эхо, что не принадлежало никому. Оно стелилось по коже, впитывалось в кровь, оставляя следы воспоминаний, которых ещё не было.

Адалия сжимала косу. Руки дрожали. Мир дышал.

– Ты изменила баланс, – сказала девочка-призрак, её крылья сияли, как призрачное золото. – Теперь всё будет по-другому

И в этом месте, где хоронятся тени, Адалия ещё не знала, что голос, зовущий её вперёд, принадлежит той, кого она уже потеряла. Не знала, что ключ в её груди был сделан из слёз.

Глава шестая: «Место, где не звучат имена»

Безвременье не бывает утра. Здесь нет времени – только повторения. Адалия очнулась. Сознание всплывало из тьмы, как осколок стекла из вязкой смолы. Она не знала, где находится, не помнила, как попала сюда. Мысли были пусты, имена... словно кто-то тщательно вычистил её память до блеска. В груди стучало... не сердце – время. Каждое биение отзывалось эхом песка, ускользающего сквозь пальцы. Песок был стеклянным. Он звенел – тихо, будто тысячи голосов шептали забытые слова. Она лежала на берегу, холодная коса у ноги, как забытая часть чьей-то жизни. Её пальцы коснулись рукояти, и будто ток прошёл по телу – вспышка боли, ускользающего образа... крылья, кровь, огонь. А потом – голос.

– Ты проснулась.

Она вздрогнула. Перед ней стояла девочка – та, кого здесь не должно было быть. Прозрачная, почти прозрачная. Её кожа светилась изнутри, а волосы двигались, будто плыли в невидимой воде.

– Кто ты?

– Голос Адалии был чужим. Хриплым, как треснувший колокол.

– Я... не помню.

– Девочка склонила голову.

– Но я жду тебя. Давно.

Молча, они смотрели друг на друга. Адалия ощущала, что в этой странной девочке есть что-то знакомое. Не лицо. Не голос. А ощущение, как будто это тень, которой ей всегда не хватало. – Где мы? – прошептала Адалия. Девочка кивнула в сторону – туда, где земля начиналась узкой тропой, ведущей в ничто.

– Это зовут по-разному. Я называю его Порог. Но оно... больше. Это место, где хранятся те, кого забыли. Те, кто сам себя забыл. Безвременья.

Небо Безвременья дышало наоборот – вбирало в себя облака, оставляя после себя пустоту. Ветер пах сожжёнными письмами. Здесь даже воздух был соткан из несказанных слов.

– Мы должны идти, – сказала девочка.

– Куда? – Я не знаю. Но я чувствую... дверь. Где-то. Она откроется, когда ты будешь готова. Или, когда будет слишком поздно.

Адалия сделала первый шаг – и будто трещина прошла по самому пространству. Под ногами раздался хруст – песчинка времени треснула и исчезла. И всё началось.

Они шли. Сначала по берегу, где песок звенел, как ноты утраченной песни. Потом по тропе, что вилась между исписанных страниц. Земля под ногами менялась, будто их шаги писали саму реальность.

Вдоль дороги росли деревья без листвы, и вместо плодов на их ветвях висели старые письма. Некоторые трепетали на ветру, и тогда слышались обрывки фраз – то крик, то шёпот, то детский смех, то плач. Одно письмо сорвалось и коснулось плеча Адалии. Она вздрогнула. Голос из него был её собственным.

«Не забывай. Не забывай. Не забывай...»

– Это место тянется за твоей памятью, – прошептала девочка. – Оно отражает то, что ты пытаешься не видеть.

– Я не помню, – сказала Адалия. – Я не знаю даже, кто я.

– И всё же ты здесь. А это значит, ты ищешь.

Пейзаж Безвременья менялся с каждым её воспоминанием – даже если она не осознавала этого. Пространство отзывалось на её душу: мёртвые поля сменялись мозаичными залами, где потолок был небом, а стены – зеркалами. В каждом зеркале – отражение её самой. Но не той, кто она есть сейчас. Той, кем она была.

В одном она увидела себя ребёнком – с разбитыми коленками, смеющейся и зовущей кого-то по имени, которого не могла вспомнить. В другом – юную, в белом платье, поющую в саду под светом луны. В третьем – женщину с кровью на лице и криком, пронзающим небо. Она отворачивалась, но зеркала всё равно шептали.

– Это всё... ложь? – спросила она, сдерживая дрожь.

– Это всё ты, – ответила девочка. – Все твои слои. Все твои пути. Ты – не одна.

Они вошли в город. Его улицы были пусты, но в каждом окне горел свет. Стены домов были сложены из кусочков стекла, обрاملённых словами. Кто-то когда-то говорил их вслух, но теперь они стали кирпичами забвения. И снова – отражения. Сестра. Любовница. Воительница. Певица. Предательница. Жрица. Она шла мимо, сжимая рукоять косы, но больше не отворачивалась.

– Это не суд. Это не кара. «Это путь», — тихо сказала девочка. – Ты не идёшь к ответу. Ты идёшь к себе.

Они добрались до холма. На его вершине стояла арка, сотканная из звуков. Не камень, не дерево – она была из тишины между нотами, из слов, так и не произнесённых.

– Это врата? – спросила Адалия.

– Нет. Это только их тень.

Тогда небо дрогнуло. И из серой пустоты явились они – фигуры с крыльями, сделанными из пепла и боли. Без лиц. Только чувство – ужасно живое. Они не нападали. Только смотрели. И с их взглядом пришла память.

Словно что-то вырвалось из груди. Образ. Крик. Кровь на ступенях. Мужчина, в которого она верила. Корона. Пламя. Предательство.

– Я... – она качнулась. – Не вспоминай всё сразу, – шептала девочка, касаясь её руки. – Ты не сломана. Ты просто забыла, зачем поёшь.

Адалия опустилась на колени. И тогда – услышала себя. Песню. Слабую, зыбкую, но свою. Её голос звучал где-то в глубине, как эхо сквозь воду.

– Ты знаешь моё имя? – спросила она, срываясь. – Да. Но ты должна вспомнить его сама.

На краю холма стоял старик – сторож, с лицом, как древняя карта. Перед ним – врата, вырезанные из черепов титанов, светящиеся лунным пеплом.

– Пройдёшь – и не вернёшься прежней, – сказал он. – Впустит лишь ответивший.

Он протянул ей каменную табличку. На ней было вырезано:

Имя моё забыто, но я живу в каждом крике тех, кто пал из-за любви. Меня сжигают, но я вырастаю вновь. Я – пепел и звезда, Я – та, кого ты прокляла и спасла. Кто я?

И тогда, среди тишины, в мире, где время стояло на коленях, Адалия впервые услышала себя. Не чужой голос. Не девочки. Не Эребуса.

А свой собственный.

Глава седьмая: «Лабиринт воспоминаний»

Она шла. Не назад – но и не вперёд.

Безвременье не имело направлений, оно не знало времени и не уважало волю путников. Оно пело голосами мертвых звёзд, мерцая тенями забытых судеб. Но всё же дорога вела – не наружу, а внутрь. Вглубь.

У входа в лабиринт стояла девочка-призрак. Та, что сопровождала Адалию, держала её за руку, словно боялась отпустить. Но отпустила.

– Ты не пойдёшь со мной? – спросила Адалия.

– Это твоя память, – ответила девочка. – Тебе надо пройти её одной. Я больше не часть пути.

И когда Адалия сделала первый шаг под арку из хрустальных корней и шепчущих имён, тень исчезла. Осталась только песня. Песня без слов, без начала. Песня, что плела себя из боли.

...Она не сразу узнала это место. Комната казалась ей чересчур светлой – слишком белый потолок, выкрашенные стены, пахнущие мёдом занавески. Но всё было знакомо. Она снова была той девочкой – с тонкими, как у паучка, ножками, в платье с вышивкой ландышей.

Игрушки на полках стояли ровно, словно боялись её разочаровать. На столике – тарелка с печеньем. Теплое, свежее. С корицей. Она знала вкус. Знала и то, что печенье появлялось, как чудо, по вечерам.

Тогда она ещё не знала – это приносила её мать. Та, чьё имя не называли. Та, которую заменили няней. Та, которую в этом доме стёрли, как пятно. Но она приходила. Тихо, по ночам. И Адалия чувствовала: кто-то гладит её волосы, когда она спит.

– Ты снова здесь, – проговорила тень в углу. Она не удивилась. Голос принадлежал самой себе. Старшей. Настоящей. Той, что видела истину.

Дверь открылась – вошла Лейла.

Маленькая, звонкая, солнечная. Адалия узнала её сразу. Улыбка – искусственная. Руки за спиной – прячут сломанную куклу. Голос – как звон серебра. Но глаза... те уже тогда были пустыми.

– Ты опять в этой комнате? – сказала Лейла, оглядываясь. – Ты правда думаешь, что ты здесь кому-то нужна?

Маленькая Адалия молчит. Она не знает, что сказать. Она думает о печенье. О том, как в этой комнате когда-то было тепло. Как няня гладила её по голове – пусть грубо, но всё же. Как верила, что если будет молчать, никто не заберёт её в подвалы.

Но подвалы пришли. С отцом. С его книгами. С жаждой.

Картина меняется – резко, болезненно. Свет гаснет. Комната исчезает. Только кровавые пятна остаются в воздухе. И на полу уже не печенье, а чертёж. Магический круг. На нём – её собственное тело. Восемнадцать лет. Закрытые глаза. Безмолвная.

Голос отца:

Он стоял над ней – высокий, как башня. В его глазах не было ни капли отцовства. Только расчёт. Только формулы. Только тяга к невозможному. Руки в перчатках – не чтобы не запачкаться кровью, а чтобы не прикоснуться к ней напрямую. Как к чему-то нечистому, неправильному, ненужному.

– Ты – ошибка, – сказал он, глядя на неё сверху. – Но даже ошибки можно обратить во благо.

Они держали её. Слуги в масках. Как духи из старых сказок. Она кричала – но звук вяз в горле. Её язык был сшит нитями ритуала, о которых она тогда ничего не знала.

Магия стихий бушевала внутри, как угасающий костёр. Ветер звал её. Земля плакала под её ногами. Вода дрожала в её крови. Огонь – был крошечной искрой в сердце. Всё это пыталось спастись.

И всё это угасло.

Когда древний круг вспыхнул чёрным пламенем, всё, что в ней пело, – замолкло. Стихия ушла. Отец не понял. Он хотел усилить – и обрушил. Он хотел создать архимага – и пробудил нечто иное.

Фолиант лежал рядом.

Старый. Пыльный. Переплетённый кожей, которая не принадлежала ни одному зверю этого мира. Отец думал, что читает его он. Но в тот миг, когда Адалия открыла глаза – страницы открылись для неё.

«Ты видишь», —прошептал голос.

Ты – плоть знания. Ты – сосуд вечного. Ты – не та, кем тебя хотели видеть. Ты – то, чего они боялись.

И тогда – песня.

Не слова. Не ноты. Песня крови, памяти, боли. То, что звучало в венах, в костях, в зове мёртвых звёзд. Голос, который пели забытые. Магия, которую забыли не случайно.

Она встала. Не с криком. С тишиной. На её коже ползли знаки – письмена, светящиеся в полумраке, как шрамы на истории мира. Отец отступил. Только тогда – он впервые испугался.

После ритуала в доме стало тихо. Не той тишиной, что дарует покой. А той, что пульсирует страхом. Отец избегал её. Взгляд его больше не был цепким и хищным – теперь в нём жили тени. Он не смотрел ей в глаза. И не приказывал. Он опасался, что она услышит команду – и исполнит её иначе, чем он хотел.

Сестра – Лейла – смеялась. Не в лицо. За спиной. Пряча яд в шёпоте. – Маленькое пугало. Папина неудача. —Она наряжалась в шёлке и кружева, втиралась в ласку матери, в доверие гостей. А Адалия всё чаще пряталась в своей комнате – пустой, как гробница.

Печенья больше не было.

Они исчезли в тот же день, что и голос няни. Та, что когда-то расчесывала ей волосы и клала конфеты под подушку – исчезла, будто её никогда не существовало. Оставалась только тень. Магия в Адалии росла. Не подчинялась. Она пыталась её сдержать, но сны стали глубже, запахи – мертвее. То, что раньше казалось ей просто тьмой под кроватью, теперь шептало имена.

Семья... Это слово перестало звучать как утешение. Семья ли те, кто смотрит на тебя, как на ожившее проклятие? Семья ли те, кто бежит, если ты заходишь в комнату?

И тогда – она ушла.

Не в гневе. Не с криком. Просто – ушла. Сложила в узел простую одежду. И шагнула за ворота. Дом не остановил её. Дворец промолчал. Семья не позвала обратно.

Так начались её скитания.

Дороги Альтаира – пыльные, жестокие, равнодушные. Люди – такие же. Она прятала свою магию, прятала себя, училась быть никем. И всё же... её шаги вели не случайно.

Город мёртвых.

Она не помнила, как оказалась там. Улица – пыльная, кривобокая, как забытая кукла. Заброшенный участок – старое кладбище, сползшее в овраг. Сухая трава, каменные плиты, изломанные кресты. Место, куда никто не заглядывал. Ни дети, ни старики. Только она. Потому что здесь было тихо. Потому что никто не гнал её прочь.

Ей было восемнадцать. Дождь шел моросью. Пальцы дрожали. Она убежала из очередной ночлежки. Мужчина, у которого она пряталась последние дни, попытался дотронуться до неё не так. Она ударила его. Он не ожидал. Адалия бежала.

И пришла сюда. Сел на каменную плиту. Обняла колени. Слёзы жгли.

– Ты чудовище, – прошептала она себе. – Никто тебя не любит. Никому ты не нужна. Голос отца в голове. Голос Лейлы. Голос матери, которого она никогда не слышала – но всё равно винила.

И в этой тишине... Что-то ответило.

Ветер стих. Земля под ногами затрепетала. Сначала – едва слышно. Как будто кто-то постучал снизу по крышке гроба. Раз. Два. Три.

И потом – всё началось.

Камни разлетелись. Земля вздыбилась. Скелеты, кости, прах – всё это взмыло в воздух, как будто танцевало. Словно песня, рождённая из боли, из утраты, из проклятого одиночества, – нашла свой хор.

Они поднимались. И смотрели на неё пустыми глазницами. Не с гневом. Не с голодом. А с... признанием. Как будто давно ждали.

Как будто знали её имя.

Люди прибежали с криками. Кто-то начал звать жрецов. Кто-то – солдат. Адалия не двигалась. Она не понимала, что сделала. Не осознавала, что теперь её имя войдёт в шёпот. Что город мёртвых ожил, потому что её сердце расколосось на части.

Это стало поворотной точкой. После этого её стали искать. После этого отец прислал посланника с письмом: «Ты – моя ошибка. И моё творение. Возвращайся».

Она не вернулась. Но письмо спрятала. Словно змеиную кожу. Словно доказательство того, кем она

Глава восьмая: «Темница для призраков»

Она вышла из Лабиринта – и не оказалось света. Только тишина. И женщина. Старая, согбенная, с кожей, как сморщенные страницы древней книги. В её глазах отражались города, что ещё не были построены, и руины тех, что канули в забвение.

«Ты прошла сквозь память. Но поняла ли ты, кем была?»

Голос её был шёпотом дождя, падавшего на пепел.

– Загадка, – сказала старуха. – Один ответ. Один шаг дальше. Слушай:

Что рождается в страхе, живёт в крови. Что цветёт в гневе и умирает в предательстве?

Адалия закрыла глаза. Пламя, слёзы, мать, сестра, крик. Служба, убийства, песни.

– Любовь, – прошептала она. – Это любовь. Ложная. И всё же настоящая.

Старуха кивнула. И исчезла.

Адалия шагнула вперёд – и оказалась в зале, где впервые увидела его.

Инсар.

Второй принц. В глазах – небеса, в голосе – правда. Но ложь текла по его венам, как яд. Ей было восемнадцать. И она поверила. Или захотела поверить, что он видел в ней не только оружие.

Он говорил: – Только ты. Только с тобой я смогу. Я верю тебе, Адалия.

Она верила. Ради него – устраняла недовольных. Стирала роды, города, наследия. Поднимала мёртвых, чтобы сокрушить живых. Восемь лет. Восемь лет в крови и песнях.

А он улыбался.

Но перед смертью король отдал трон не Инсару, а Устину – первому принцу.

Устин был иным.

Он не боялся её. Не презирал. Был добр, молчалив, справедлив.

Его супруга – молодая королева, любимая народом. На восьмом месяце беременности. Снежная, как свет.

Они не были её друзьями. Но не были и врагами.

Когда Инсар пришёл, он плакал.

– Я должен стать королём. Ради нас. Ради тебя. Убей их, Адалия. Прошу. Я всё сделаю для тебя. Станешь моей женой. Только избавь нас от них.

Пять лет до этого он называл её невестой. И никогда не сделал шаг дальше слов.

В ту ночь она вошла в покои короля.

Королева спала.

Но король – ждал.

Он посмотрел на неё – и не было в его взгляде страха. Только усталость и просьба.

– Пощади её. Убей меня, если хочешь. Но не трогай её. Мы никогда не были к тебе жестоки. Позволь хотя бы на прощание быть человеком.

И что-то в ней оборвалось.

Она спасла королеву. Помогла сбежать. Убила короля – и рядом с ним оставила тело служанки, похожей на беременную королеву.

Народ оплакал троих: короля, королеву и нерождённого наследника.

А на трон взошёл Инсар. Он не взял её в жёны. Он взял её в цепи. Обвинил. Предал. Посадил в темницу.

Пламя ещё не коснулось её кожи. Оно было лишь предчувствием, сладостным обещанием конца. До этого был путь. Кровь. И тишина. Её схватили на рассвете. Без сопротивления. Без заклинаний. Она просто стояла, босая, на пепелище покоев короля, когда стража вбежала. Мечи, крики, страх – всё это было не о ней. Она смотрела на дрожащие руки, пахнущие медью

и полыню, и в пальцах её ещё чувствовался вес сердца. Того самого, что затихло под её прикосновением, когда она нашептывала вечный сон.

Антимагические оковы сомкнулись, металл пронзил её плоть, будто клеймо. Они жгли, как ирония. Та, что начиналась у трона, укрытого тенями мёртвых.

Она не произнесла ни слова.

Темница встретила её сыростью и цепями. Ночью пришли палачи. Тело кричало, но душа молчала. Вся её сила – была отнята: кляп, словно саван во рту, клинок, железо.

А потом – скрип двери. Легкий запах цветов. Смесь жасмина и тлена – как в ту ночь, когда умерла её няня.

И голос.

– Как жалко ты выглядишь, сестричка.

Лэйла. В белом. Идеальная, как всегда. Безукоризненная. Платье без единой морщинки, хотя она наверняка наблюдала, как горничные выносили «тело» королевы.

Глаза, в которых никогда не было сострадания, сияли победой.

Адалия не подняла взгляда. Только кровь капала с подбородка, разбиваясь о камни. Те самые, что помнили её голос.

– Ты ведь даже не спросишь, почему? – Лэйла уселась рядом, аккуратно поправляя жемчужное ожерелье. – Инсар... ах, как же он был прост. Мальчик, которому нужен был мяч и советник. Ты была его тенью. А я – тем, кто дергал ниточки.

Она наклонилась ближе, почти шепча:

– Все эти годы, когда ты думала, что он любит тебя... Он спал в моей постели. Просил у меня имена. Те самые, что ты вычёркивала из книг жизни. И я давала. И знаешь, ты справлялась великолепно. Ты душила, резала, хоронила. Моя маленькая марионетка.

Адалия всё ещё молчала. Только сквозь побледневшие губы прошёлся выдох – обрывок фразы, которую так и не договорила.

– Ты надеялась на свадьбу? – голос Лэйлы стал высокомерным, как у учительницы, ломающей грифель об ошибку. – Ты, дочь грязной служанки? Ты думала, что я позволю тебе стать королевой?

Она встала. На губах – улыбка, точёная, как нож.

– Знаешь, почему твоя мать умерла в ту зиму, когда тебе было десять? Почему твоя няня захлебнулась собственной кровью? Почему каждый, кто любил тебя, становился строкой в твоём свитке смерти? Это была я. Они слишком заботились о тебе. А я не могла этого вынести.

Она остановилась у двери, бросив последний взгляд:

– Ты никогда не была мне сестрой, Адалия. Ты – пятно на моём полотне. И завтра, идя на костёр, знай: я – ткач твоей судьбы.

Где-то внутри что-то оборвалось. Последняя нить, звеневшая именем «семья».

Адалия подняла голову и впервые за всю ночь – заплакала. Слезы растворяли кровь на губах, смывая вкус несложившихся слов.

Мир содрогнулся. Темница исчезла, как мираж, осыпаясь пеплом. Крик толпы обратился эхом, застывшим между мирами. Пламя погасло, и чёрное пламя Безвременья вновь обвило её. Она стояла – целая. Одежда её была нетронута, кожа – гладкая, а песок в сердце вновь отсчитывал мгновения. Перед ней снова стояла дверь. Деревянная, старая, с рунами, вырезанными неведомой рукой. От неё пахло дождём, металлом и кровью. А за дверью... за дверью шёл дождь. Она слышала его. И шаги. Чьи-то шаги, знакомые до боли.

Глава девятая: «Где пепел становится исповедью»

Город молчаливых

Свет уходил ввысь тонкими струйками, как будто сам воздух выдыхал воспоминания. Перед Адалией раскинулся мёртвый город – улицы, выложенные пеплом; дома, где сквозь стены сочились слёзы. Ни звука, ни ветра, только предчувствие боли.

Она шагнула внутрь.

Сначала – пустота. Потом тени. Они не нападали. Они ждали.

– Ты пришла, – сказал первый. Голос был узнаваем. Генерал Тарвин, тот, чьё королевство Адалия сожгла во имя любви. Он держал руку на груди – там, где когда-то торчал обугленный осколок её магии.

– Адалия из праха, – прошептала молодая женщина, жрица из Тарвина, – ты попросила нас не молиться. Мы замолчали. И ты пришла.

Детский голос дрогнул: – Мама не успела закрыть дверь... Было жарко. Потом темно...

Адалия сделала шаг назад. Но город оживал.

Из каждого дома – фигуры. Обугленные. Прозрачные. Бледные. Их было много. Слишком много. Лица забытые. Голоса затерянные. Она не помнила всех по именам – но они помнили её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.